

Герой своего времени (штрихи к портрету М.И. Семевского)

Листая страницы некогда популярного журнала «Русская старина», невольно обращаешь внимание на редакторские примечания, ремарки, комментарии, сопровождающие тексты. Уже почти полтора столетия историки широко используют опубликованные в нем источники, но никто даже и не пытался представить личность редактора, весьма своеобразного человека, который не только пояснял читателям исторические факты, но и сообщал о раритетах домашней библиотеки, представлял близких знакомых и членов своей семьи и, наконец, разослал собственный портрет подписчикам. Это был Михаил Иванович Семевский - «тайный советник, бывший товарищ С.-Петербургского городского головы, член археографической комиссии, почетный член Ростовского музея, почетный член Петровско-астраханского общества, член обществ: истории, географии, антропологии и минералогии, член восьми губернских архивных комиссий, член-сотрудник ученых обществ при трех университетах, член литературного общества и общества любителей российской словесности, член статистического комитета, член королевского общества истории в Лондоне, почетный член общества птицеводства» (так он представлял себя на страницах журнала). Впрочем, нельзя сказать, что историки совсем обошли молчанием персону издателя. Так, В.В. Тимощук, первый биограф М.И. Семевского, представила его человеком многих добродетелей с одним лишь изъяном в характере - раздражительностью, которую тут же извинила его добрым сердцем и милосердными поступками.¹ «Ловким ловцом исторических материалов», обладавшим «поразительным бюрократическим безвкусием», считал его И. Троицкий,²

а С.Я. Штрайх, упомянув ряд положительных черт - скромность, аккуратность и работоспособность, все же считал его отрицательным героем своего романа, поскольку расчет и стремление к обогащению, по мнению автора, - исключительно сущность его натуры.³

Потаенные страницы биографии М.И. Семевского, его связь с А.И. Герценом впервые выявил Н.Я. Эйдельман и, констатируя, что М.И. Семевский хорошо известен по воспоминаниям современников в зрелые годы, подчеркнул, что в возрасте 20-25 лет (т.е. в 1860-е гг.) представляется личностью весьма загадочной.⁴ С выходом в свет книги В.И. Пороха положение существенно не изменилось, хотя название дополняется весьма многообещающим подзаголовком: «Все о М.И. Семевском».⁵ В этой книге, как и во всех предыдущих, освещена в основном профессиональная деятельность М.И. Семевского - редактора-издателя. Такое положение отчасти сложилось и потому, что обрисовать его, как отмечали современники, затруднительно. «Многие и очень многие знали ... Семевского, - писал его друг и известный историк Н.К. Шильдер, - как издателя, редактора, литератора, чиновника, гласного, офицера, преподавателя, но едва ли кто знал его как человека. Он мог быть очень откровенен, но всегда чувствовалось, что в нем есть что-то такое, что он не откроет лучшему другу, такие тайники сокровенных мыслей и чувств, которые он ни перед кем не обнаружит».⁶ На эту черту характера обратила внимание и Е.Н. Водовозова, единственная из современников написавшая обстоятельные мемуары о М.И. Семевском. Она знала его многие годы: вначале как ученица по Смольному институту, где тот преподавал историю, затем как жена самого близкого друга, В.И. Водовозова, и далее как невестка, жена младшего брата Василия.⁷ Но язвительный тон записок и обилие черной краски вызывают скорее недоумение,

Кох Ольга Борисовна – кандидат исторических наук, ст.научный сотрудник Государственного музея политической истории России (С.-Петербург)

чем убеждение в достоверности представленного портрета. Все остальные воспоминания - лишь беглые зарисовки отдельных эпизодов, чаще всего лишённые характеристики личности. Более ценный материал даёт переписка М.И. Семевского с родными и знакомыми, а подчас и незнакомыми людьми, обращавшимися в редакцию «Русской старины». В замечаниях, не рассчитанных на огласку, точнее и резче очерчен его облик, характер, манеры, привычки, вкусы, увлечения, круг знакомых, друзей, семья. Только во внушительном по размерам фонде М.И. Семевского Пушкинском Доме письма составляют примерно треть.⁸ Письма хранятся и в архиве Академии наук, рукописном отделе Российской национальной библиотеки и во многих областных архивах: М.И. Семевский ведь был членом восьми губернских архивных комиссий и вел обширную переписку как редактор журнала, извлекая из недр российской глубинки важные исторические документы и сведения. Обмен письмами был не только основным средством коммуникации, но и характерной чертой культуры XIX в. и даже определил одно из литературных направлений - эпистолярный жанр. И все же обилие корреспонденции М.И. Семевского впечатляет. Из мельчайших осколков, извлечённых из этого богатства, складывается достаточно яркое мозаичное панно, отдельные фрагменты которого так же важны, как и целое, поскольку могут подчас пролить свет на политические воззрения и мотивы общественных поступков М.И. Семевского.

Иконография М.И. Семевского невелика. С большей частью сохранившихся фотографий читатели журнала уже знакомы. Известно ещё несколько: 1862 г. - в кругу преподавателей Смольного института с К.Д. Ушинским;⁹ 1884 - среди членов Литературного фонда.¹⁰ На последней фотографии хорошо видно, что М.И. Семевский был невысокого роста. В воспоминаниях Я.Ф. Березина-Ширяева отмечено: «Михаил Иванович Семевский, мужчина лет около сорока, очень низенького роста, с круглым лицом, с темно-русскими волосами на голове и с небольшими усами и бородкою».¹¹ Сам М.И. Семевский засвидетельствовал свой

вид в письме к отцу, где описаны первые шаги на военном поприще в 1855 г.: «...с чрезвычайной гордостью ваш небольшой и тоненький Миша вел 25 едва ли не сажённых молодцов-гренадеров».¹² Заметим, что распределение его после окончания кадетского корпуса в лейб-гвардии Павловский полк уже предполагало круглолицесть, курносость и русые волосы, ибо служившие в нём должны были чертами напоминать Павла I.

Из рисованных портретов известны работы Л.А. Серякова и И.П. Пожалостина,¹³ но, возможно, удастся найти и другие, поскольку среди знакомых М.И. Семевского было много известных художников и скульпторов: Л.Н. Бенуа, А.В. Верещагин, В.В. Мате, К.Е. Маковский, М.О. Микешин, А.М. Опекушин, И.Е. Репин, Ф.Г. Солнцев и др., что подтверждает знаменитая книга автографов, заведённая М.И. Семевским на манер альбомов XVIII в. и изданная в 1888 г. под названием «Знакомые» к неудовольствию последних, поскольку частные сведения стали достоянием гласности.¹⁴ В настоящее время удалось найти упоминание ещё об одном портрете, который должен был украсить зал Городской думы после смерти М.И. Семевского.¹⁵ Но неизвестно ни имя художника, ни судьба полотна в послереволюционное время. Надо полагать, что в молодости из-за ужасной худобы, дополняющей его невысокий рост, М.И. Семевский выглядел несолидно. «Невзрачный офицер», - так, с явным сожалением, заметила Е.А. Штакеншнейдер (1861 г.).¹⁶ Фото, представленное в собрании сочинений К.Д. Ушинского, как нельзя более удачно иллюстрирует его слова, обращённые к М.И. Семевскому: «Мне каждый раз становится грустно, когда я припоминаю Вас, такого бледного и худого» (1863 г.).¹⁷ Корректор журнала «Время» К. Сунгуров отметил, что М.И. Семевский «просто постник (у него очень худое лицо)» (1862 г.),¹⁸ а Г.Е. Благовестлов съязвил по поводу «угловатой и костлявой фигуры» (1859 г.).¹⁹ Недоедание было обычным состоянием М.И. Семевского в молодости, в письмах масса доказательств его тяжелого материального положения. Неудивительно, что друзья, в част-

ности Д.Д. Семенов, как могли содействовали в 1862 г. в получении места по министерству народного просвещения для ревизии народных школ. Брат Петр, соблазняя этим предложением, писал, что «путешествовать по России с 1600 р. с. [рублями серебром. - *О.К.*] и прогоны отдельно я нахожу, что это тебе будет выгодно и что ты разъешься и поправишься здоровьем».²⁰ Но с годами он раздобыл, как и подобало чиновнику, занимающему солидный пост помощника статс-секретаря Государственного Совета. В 1885 г. неприятности в делах Городской думы, где в это время М.И. Семевский занимал весьма важный пост товарища городского головы, расстроили его здоровье. «Мало радости смотреть на меня: худой, желтый, постаревший. Нет сна, в нем источник болезни»,²¹ - писал он жене. «Видел в театре Семевского, - отметил А.Ф. Кони в письме к Л.Г. Гогель, - который совершенно расстроен думскими интригами и не знает, куда деваться от нервов...»²² Место вскоре было определено - курорты Меррекуль и Висбаден, тогда достаточно модные у русской публики, отправляющейся на лечение за границу. Еще один жестокий удар был нанесен ему судьбой в 1889 г., когда скончалась старшая дочь. Но портретов, запечатлевших его скорбь, нам неизвестно.

Заметим, что на всех фотографиях М.И. Семевский добротен и по моде одет, и как отмечала Е.Н. Водовозова, «выходил из себя, когда не мог обзавестись хорошим платьем».²³ Еще одна любопытная деталь: в карманах его сюртука почти всегда лежали бумаги. «Я не помню ни одного банкета, юбилея или поминального торжества, - писал журналист А.Е. Кауфман, - где Семевский не говорил бы экспромтов, которые записливо приносил с собою в карманах, в нескольких экземплярах и любезно раздавал газетным хроникерам или сам рассылал по редакциям». И далее: «В редакции и на торжества он являлся с записными книжками, куда все сколько-нибудь известные писатели и деятели должны были заносить свои автографы».²⁴

Желание оповестить мир о своем существовании было присуще М.И. Семевскому

с юности. В письме к своему первому учителю И.И. Малевичу он писал, что «надеется оставить по себе имечко, чтоб [быть. - *О.К.*] в словаре российских деятелей-писателей».²⁵ И чтобы потомки могли судить о нем справедливо, сохранил огромный личный архив и даже успел частично его систематизировать. Но современникам М.И. Семевский запомнился таким, каким они его видели, а не таким, каким он пытался представить себя сам. Была у него черта, которую отмечали все (и он сам), - это тяжелый, неуживчивый, взрывной характер. Уже в 1855 г. он писал отцу: «капризный, своенравный и раздражительный мой характер не в состоянии перемениться».²⁶ Такие откровения появлялись в письмах и позднее, когда речь шла о взаимоотношениях в собственной семье: «горькие слова, на которые, увы, так слабы и я и мамаша, истерзанные горем и не приучившие свои характеры к сдержанности».²⁷ Что это были за слова, можно судить из письма брата Александра: «...дорогой Миша, видно что ты был в весьма дурном расположении духа... Мерзавцы, подлецы и еще более сильные выражения остались у меня при прочтении твоего письма...» Семейные ссоры были привычным фоном его жизни, так же как и домашнее диктаторство. Г.З. Елисеев, по роду журналистской деятельности многие годы знавший М.И. Семевского, жаловался М.Е. Сатыкову-Щедрину на жизнь в Ницце (1881 г.): «Так как в пансионе все делалось и делается для М.И. Семевского и по его желанию, то мы с молодым человеком представляли не то его нахлебников, не то его свиту».²⁹ Пансион состоял в том, что в нанятой М.И. Семевским квартире было две свободные комнаты, которые и сдали постояльцам. Барствовать в традициях XVIII в. (и не лучших) было в его характере. Он неутомимо пестовал свою семью как в узком (жена, дети), так и в широком понимании этого слова (братья, сестра), часто проявляя самодурство. В семье он не встречал должного отпора, но в отношениях со своими подчиненными или людьми зависимыми, где стереотип поведения повторялся, часто сталкивался с резким неприятием своих поступков. Такой случай описала Е.Н. Водовозова, когда бед-

ный студент-секретарь подбирал с пола бумаги, брошенные ему в лицо.³⁰ Если М.И. Семевский не стремился создать хорошее впечатление, то обычно он производил неприятное. Сохранились воспоминания случайного свидетеля - Ольги Викторовны Синакевич, искавшей место учительницы. Свой визит к М.И. Семевскому, который входил в состав училищной комиссии Городской думы и потому мог оказать протекцию, она описала в письме к подруге: «Семевский мне не очень понравился: ужасно не приветлив и смотрит педантом».³¹ Однако проявление сильной воли и характера другими «заставляли его проникаться к ним уважением и сердечным расположением», констатировала Е.Н. Водовозова. В молодости М.И. Семевский был настолько горяч, что даже солидные работодатели не только были осведомлены о свойстве его натуры, но и пытались предостеречь его от неуместных выпадов. Так, в августе 1862 г. М.И. Семевский попал, как и многие литераторы, в связи с начавшейся репрессивной политикой правительства в число лиц неблагонадежных и потерял право работать в архивах. Решение было предоставлено в свое время по ходатайству редактора «Военного сборника» П.К. Менькова, и П.К. Меньков, отбирая это право (не по своей воле), счел необходимым лично объяснить своему молодому сотруднику сложившуюся ситуацию, но, не застав М.И. Семевского дома, написал записку, заканчивающуюся словами предостережения: «Не вините людей, не зная обстоятельств, в которых они действуют».³³

Указанные свойства характера находились в гармонии еще с одним - М.И. Семевский любил первенствовать. «...Хочется везде блистать, не хочется стоять на заднем плане», - писал он в 1856 г. из Москвы Г.Е. Благосветлову.³⁴ В тон этому заявлению наблюдение писателя П.Д. Боборыкина, встретившего в 1870 г. М.И. Семевского в Клубе художников в роли председателя комитета: тот «умел первенствовать, и на него косились многие члены комитета, и когда я поступил в него, то под шумок стали мне жаловаться на него».³⁵ В сочетании с замашками барина-самодура вечное стремле-

ние к лидерству приводило к тому, что он всю свою жизнь терял друзей. Неординарность натуры М.И. Семевского легко привлекала людей, а вышеописанные качества быстро сводили дружбу в лучшем случае к равнодушию, а иногда и вражде. Так произошло с Г.Е. Благосветловым, который в 1859 г., встретив М.И. Семевского в Париже, наградил его такими комплиментами в письме к К.К. Случевскому, однокашнику М.И. Семевского, что и по сей день читать совестно: «мерзкая рожа», «фигура самолюбивая до опьянения», «он был у меня, я принял его сухо, угрюмо, как принимают рвотное», «груб, дерзок, нахален и неприличен»³⁶ - все это помещено на полустраничке письма. Это было завершение их дружбы, безмятежно начавшейся в 1855 г. «В шесть часов вечера отправился к Благосветлову; отлично меня принял мой многоуважаемый профессор, поздравил с чином, я у него напился чаю, и два часа в самых приятных разговорах пролетели незаметно»³⁷ - с гордостью за себя сообщал М.И. Семевский отцу.

Те же, кто пытался погасить конфликты, вынуждены были делать шаг примирения первыми, как это видно из уже упомянутого письма П.К. Менькова. Так же вел себя и брат Ф.М. Достоевского Михаил Михайлович, редактор журнала «Время». Письмо не датировано, но поскольку речь идет о сотрудничестве в журнале, то можно определить, что это было самое начало 1860-х гг.: «...я заключаю, что между нами произошло страшное и довольно комичное недоразумение: мы оба почему-то считали друг друга генералами... Записка Ваша оскорбила меня действительно, но вовсе не потому, что была написана на клочке бумаги и не запечатана, а потому, что я принял ее за демонстрацию с Вашей стороны...»³⁸ А когда-то к письмам делались такие приписки: «нечего и прибавлять, что брат будет очень рад Вас видеть».³⁹ Возможно, М.И. Семевский испытывал чувство неловкости после подобных размолвок, признавая свою вину, и сам отдалялся от людей, которым наносил незаслуженные оскорбления. Е.Н. Водовозова отметила, что он нередко каялся, но «это нисколько не ослабляло его гневных вспышек».⁴⁰

Но был и другой М.И. Семевский - любезный, обаятельный, предупредительный, готовый на услуги - с людьми нужными или стоящими по служебной лестнице выше его. В молодости он легко налаживал отношения с декабристами. Как известно, «страдалцы за веру» предпочитали не афишировать свои старые связи и не заводить новых знакомств. Печальный опыт, приобретенный в Сибири, подсказывал, что, несмотря на объявленную в 1856 г. Александром II амнистию, контакты с ними могли по-прежнему принести неприятности, хотя и в меньшей степени, чем во времена правления их главного политического оппонента Николая I. Но М.И. Семевский легко преодолел это препятствие и был близко знаком со всеми, кто вернулся в Россию. Особое расположение он завоевал у М.А. Бестужева и барона В.И. Штейнгеля. Последний рекомендовал его Г.С. Батенькову как «одного из неутомимейших деятелей юного поколения, с которым я имел удовольствие сердечно сойтись. Прошу тебя принять и обнять его с такой степенью отверстия сердца, на какое я имею у тебя право. Уверяю, оба не ошибемся».⁴¹ В старости М.И. Семевский столь же легко налаживал связи с молодежью. В его доме можно было видеть сыновей Ф.В. Булгарина, графа М.А. Милорадовича и многих других. У М.И. Семевского на них были виды. Эти отпрыски знаменитых людей располагали архивами своих предков и могли передать права на их публикацию. Отношения строились на предупредительности, внимании и деликатности. Но если надобности в юнце не было, то тон становился жесткий, требовательный, категоричный. Это хорошо видно по переписке с сыном профессора Н.Г. Устрялова Федором Николаевичем, историком, романистом. В письмах речь идет о продаже библиотеки. М.И. Семевский безжалостно диктует невыгодные условия: «Так как полученные мною от Вас... рукописи... представляют интерес весьма небольшой, то я могу предложить за них только 20 руб. серебром. Поэтому... потрудитесь прислать за означенными деньгами, которые я оставляю

конторщице, или тогда же получите обратно бумаги».⁴²

Столь резкий контраст в поведении подметили прежде всего собратья по перу, в ход были пущены литературные сравнения: Молчалин, Подхалюзин, Бобчинский. Описываемые при этом сцены явно не вызывают симпатии к нашему герою. Г.З. Елисеев зафиксировал один из подобных эпизодов. «Надобно Вам сказать - письмо адресовано М.Е. Салтыкову-Щедрину, - что здесь [в Ницце. - *О.К.*] около Лориса, как бывшей знаменитости, трется множество разных хамов, в числе которых... Семевский... Он просиживает целое утро в приемной графа, чтобы по выходе его предложить ему какую-нибудь услугу или просто поговорить с его сиятельством самим. Мне рассказывал доктор, что его... пригласил к себе Лорис... Как вдруг является к доктору Семевский. У доктора прием, он к жене. «Вы что?» - спрашивает жена. - Да, вот - говорит, - вашего мужа просит к себе Лорис» - «Мой это знает и получил приглашение» - отвечает жена. «Да я знаю, что знает, - отвечает Семевский, - но я желал бы поехать с ним вместе к Лорису». - «Да к чему же это? Я вовсе не понимаю, - возражает жена. - Он и сам знает дорогу. А впрочем, прибавила жена, поговорите с мужем. Я не знаю: понравится ли ему так ехать?» - Вы видите из сего, - констатировал Г.З. Елисеев, - что Семевский около Лориса играет роль Петра Ивановича Бобчинского около городничего. Он даже без нужды так бегаёт петушком, петушком».⁴³ М.Т. Лорис-Меликов действительно занимал до своей отставки высокий пост. В условиях политического кризиса конца 1870 - начала 1880-х гг. боевому генералу было предложено возглавить Верховную распорядительную комиссию, затем министерство внутренних дел. «Лорис-Меликов простоял у кормила государственной власти в течение года и сделал необыкновенно много, за это время подготовив программу перехода к новому витку продолжения реформ», - такова оценка современных историков.⁴⁴ Убийство Александра 1 марта 1881 г. было и концом реформ и кон-

цом карьеры Лорис-Меликова М.И. Семейскому довелось наблюдать и начало этой головокружительной карьеры. В набросках к мемуарам он запечатлел Лориса в «достопамятный день 19 февраля 1880 г. на знаменитом выходе в Зимнем дворце - худой, желтый, сутуловатый, но с мягкими, умными чертами лица. Он шагал с правой стороны длинной обычной процессии на выходе почти вслед за государем, какой-то тихой поступью и мягкими шажками. Тысячи проводили любопытным взором этого тщедушного по наружности генерала, в руки которого в эти дни передана была часть самодержавной власти.⁴⁵ Заметим, что М.И. Семейский собирался писать мемуары, делал даже отдельные наброски. Но вряд ли читатель получил бы удовольствие: автору явно не хватало литературного дара, у него настойчиво пробирався канцелярский стиль; описания были невыразительны, характеристики банальны. Судьба свела его со многими выдающимися людьми, и он прекрасно понимал их неординарность и когда они были на вершине славы, и когда падали в пропасть, как в случае с М.Т. Лорис-Меликовым. Он сохранял к ним почтение, несмотря на превратности судьбы. Но выразительно запечатлеть на страницах мемуаров, увы, не мог. Кстати, и письма М.И. Семейского, даже времен его молодости, когда он склонен был к литературному творчеству, не отличаются ни яркостью описаний, ни меткими наблюдениями. И нет смысла сравнивать их с такими классическими образцами, как письма А.С. Пушкина или И.С. Аксакова. Вернемся к эпизоду, описанному Г.З. Елисеевым. В нем зафиксирована еще одна любопытная деталь. Убедившись, что доктор занят, М.И. Семейский пошел к его жене. Это характерно для М.И. Семейского. Известно, например, из письма к отцу, что один из воскресных дней 1858 г. он закончил балом у Н.Г. Чернышевского, важнейшего сотрудника в журнале «Современник»: «плясал, плясал и более ничего».⁴⁶ Вечера у Чернышевских сильно отличались и по составу гостей, и по видам развлечений. Танцы предполагались лишь у Ольги Сократовны; Николай Гаврилович в такие дни либо сидел у себя в кабинете, либо

вовсе уходил из дома. Неудивительно, что, спустя годы, когда Ф.В. Духовников собирал материалы в Саратове к биографиям Н.Г. Чернышевского и Г.Е. Благодетель (они были однокашниками по семинарии), именно Ольга Сократовна живо отреагировала на фамилию Семейский, заказавшего работу, спросив мужа: «Ты помнишь Мишу?» На что последовал односложный ответ: «Помню».⁴⁷ Но было время, когда М.И. Семейский тяготился женским обществом. В 1856 г. он писал из Москвы Г.Е. Благодетелю, тогда его духовнику: «Как я отстал от общества дамского, от бесед с дамами. Сегодня пришлось просидеть вечер... в обществе трех женщин... верите ли, двух слов порядочных не сумел сказать! Странно, никогда не был стыдлив и робок в их кругу? Что-то такое особенное делается со мной, ставишь себя неизмеримо выше всей этой дребедени, т.е. бабья...».⁴⁸ Слова, достойные гвардейского офицера! Зима 1862 - 1863 гг. неожиданно подарила любовь. Во время поездки по Псковской губернии с ревизией народных школ М.И. Семейский оказался в Полибине (что произошло затем, читателям журнала хорошо известно).⁴⁹ Добавим лишь несколько штрихов к этой сентиментальной повести. Во время поездки М.И. Семейский вел дневник - в нем исключительно деловые записи: названия сел, городов, имена учителей, статистика школ. Исключение - заметки о посещении Великих Лук и Полибины. Они тщательно вымараны. Но время иногда раскрывает тайны самым неожиданным образом. Первоначальные записи были сделаны более темными и устойчивыми чернилами; затушевывались - менее качественными; первые проявлялись на фоне выцветшей штриховки. Некоторые строчки, хотя и с трудом, читаются. Особенно примечательна одна, сделанная в январе 1863 г. в воскресенье: «Визит к А.В. [Анне Васильевне Корвин-Круковской. - О.К.]. Вечером бал. Счастье, любовь - неужели вы снизошли на меня!»⁵⁰ Прошло всего две недели со дня первой встречи. Спустя полтора столетия, читая это изумившее самого автора, вышедшее из глубины его сердца признание, понимаешь, что это была любовь с первого взгляда

да. И невольно хочется вслед за бароном Н. Врангелем произнести: «Все вы, маленькие и большие, замечательные и незначительные, думали ли вы, что когда-нибудь будут читать вашу жизнь? Я, надеюсь, не оскорбил ее. Я позволил себе развернуть страницы вашего маленького существования, которое нас теперь занимает. Белая простая бумага и простые чернила, которыми, скрипя, наносило гусиное перо ваши слова и мысли, быть может, казались прежде ненужными и незначительными. Но нам они нужны, нужны потому, что у нас слишком мало своей личной, наивной жизни. Простите меня, если я позволил себе к вам вторгнуться».⁵¹

Расставаясь при последней встрече с Анной Васильевной, тогда уже давно Жаклар, М.И. Семевский предложил ей написать воспоминания за солидное вознаграждение. Нами было высказано предположение, что они не были написаны, но, видимо, это не так. В 1888 г. в журнале «Вестник Европы» появился некролог, составленный человеком, хорошо знавшим Анну Васильевну и питавшим к ней добрые чувства. В нем есть упоминание о мемуарах, но где они, неизвестно. В 1960-е гг. Н.С. Книжник-Ветров, работавший над монографией о А.В. Жаклар, нарисовал внушительный знак вопроса в тексте некролога напротив слов о воспоминаниях, предпринял попытку поисков, однако ссылок на них в книге нет.⁵²

Семейная жизнь М.И. Семевского (он женился на Е.М. Протопоповой и имел двух дочерей) была далека от идиллии. «Роденькая женушка, будь добра, ворочайся немедленно; к чему, голубчик, всю жизнь делать все в пику и с недобрый сердцем», - из письма к жене в 1880-е гг.⁵³ Радовали только дети: «Дочурки прелесть. Выросли, пополнели. Настуша обворожила меня своею ласкою...»⁵⁴ Из переписки видно, что только в отношениях с женой он занимал всегда примирительную позицию, прощая, увещая. Писем много: семья часто жила отдельно. По причине болезни (или это был только предлог, которого требовали правила приличия) жена с дочерьми большую часть года проводила на зарубежных курортах. Смерть Та-

тьяны в 1889 г. стала для М.И. Семевского двойной трагедией. Старшая дочь была близка к нему духовно и в свои неполные 16 лет заменяла товарища и помощника в занятиях, собеседника, настоящего друга. Младшая - Настя - всегда более тяготела к матери. С этого времени М.И. Семевский боялся потерять и ее: «Верь, дорогая, мне, что и папочка твой тебя горячо любит, всем для тебя жертвует и все, что в силах его, для тебя сделает...» (3 ноября 1889 г.).⁵⁵ Но М.И. Семевский был человек своего времени. И потому не стоит удивляться, что среди театральных программ того же года, столь же тщательно сохраняемых, как и другие пустячки, затерялся изящный конвертик с запиской от актрисы Александрийского театра с приглашением на ужин в ее дом после спектакля.⁵⁶

Вернемся к письмам Г.З. Елисеева. Они интересны еще и потому, что дополняются ответами М.Е. Салтыкова-Щедрина; его оценки независимы от мнения корреспондента. Г.З. Елисеев зол, его характеристики - характеристики человека, стремящегося обругать, чтобы снять собственное раздражение. Добавим к этому, что он был всегда хорошим редактором, но посредственным писателем, в его оценках нет изящества, яркости. Иначе у М.Е. Салтыкова-Щедрина. Дар писателя позволяет ему смотреть на ситуацию со стороны, он ироничен и поэтому более объективен. После побега из пансиона М.И. Семевского Г.З. Елисеев писал: «Ах, проклятый человек! Как он мне надоел, несмотря на свою любезность и предупредительность. Есть люди, которые насквозь пропитаны всякого рода пошлостью и подлостью и между тем, на первый взгляд, люди совершенно приличные. Ничего резкого, выдающегося. Но стоит вам пробыть с ними несколько времени, и вас обдаст такую невыносимую вонью от их существа, что вы тотчас почувствуете, что быть с ними невозможно. При этом им совершенно невдомек их внутренняя гнусность, и они даже рисуются ею, но делается так скромно, с таким сознанием своего достоинства, что гнусность делается от этого еще гнуснее. В основе его несомненно тип Молчалина, но гораздо утонченнее. Молчалин слишком груб,

нахален...»⁵⁷ По получении письма М.Е. Салтыков-Щедрин сообщал Н.А. Белоголовому: «Елисей пишет, что перебрался на квартиру оттого, что ему надоел Семевский. Действительно ужасный холоп» (19 ноября 1881 г.).⁵⁸ А спустя несколько дней (23 ноября 1881 г.) в ответе Г.З. Елисееву развил свою оценку: «Я совершенно понимаю Ваше бегство от лица М.И. Семевского. Этот малый, созданный для того, чтобы обращать людей в бегство, и если бы правительство в прошлую войну употребило его в качестве передового отряда, то многих врагов обратил бы он в бегство без кровопролития. Я никогда особенно часто с ним не виделся, но могу себе представить положение человека, который видится с ним каждый день поневоле». ⁵⁹ Эти качества прорывались и в отношениях с высокопоставленными лицами. Так, государственный секретарь А.А. Половцев заметил в дневнике: «Отвратительный Семевский подличает» (1883 г.); в другом случае замечает, что великий князь Константин Николаевич «жалуется на нескромность Семевского». ⁶⁰

Итак, М.И. Семевский - это несомненно Молчалин, но еще любезнее, еще предупредительнее, еще услужливее. Тот Молчалин, в котором, как считал автор «Горя от ума», Загорецкий не умрет. Фраза из письма Г.Е. Благовестову тому прекрасная иллюстрация: «Серого сожителя в знак моего почтения потреплите за ушко и мордочку...»⁶¹ В результате он вызывает чувство отвращения, неприязни. Отсюда проистекают все малопристойные эпитеты: *мерзавец, хам, тварь, негодяй, прохвост*. М.Е. Салтыков-Щедрин нашел более точное слово - *холоп*. Русский барин уживался в М.И. Семевском с Молчалиным, истинная доброта - с позерством. Он много и чистосердечно помогал людям, состоял членом 14 (!) благотворительных обществ, регулярно делал денежные пожертвования. Дочь педагога Елизавета Редкина благодарила за «шесть рублей на бедную семью Куркиных». ⁶² Такие факты встречаются нередко (кстати, суммы везде небольшие: М.И. Семевский был небогат и скуповат). Часто он откликался на просьбы едва знакомых людей, отнимающие немалое вре-

мя и силы. Один из его корреспондентов А.И. Рыжов из Пскова писал: «Едва ли найдется в целом Петербурге другой человек, как вы, Михаил Иванович. Родной брат не сделал бы в половину того, что вы сделали» (1860 г.).⁶³ По просьбе барона Ф.Ф. Торнау М.И. Семевский организовал издание и продажу книги и даже написал рецензию в газету «Голос», что способствовало скорейшей распродаже, хотя автор заранее предупредил, что не имеет средств отблагодарить. ⁶⁴ Помог он и Л.Н. Павлищеву, который в минуты отчаяния писал: «Чувствую: злоупотребляю Вашим расположением ко мне, умоляя Вас о содействии в доставлении мне какой бы то ни было работы. В постоянной работе мое единственное спасение. В финансовом отношении я словно сижу на бочке с пороком: три выдержанные моим 16-летним сыном опасные болезни разорили меня в конец. О будущем страшно и очень страшно думать». ⁶⁵ М.И. Семевский сделал все, что мог. На письме есть интересная приписка его рукою: «Родной племянник А.С.». Это для него было важно. Он не просто помогал, а помогал племяннику Пушкина! В доброте и отзывчивости М.И. Семевского прослеживается некоторая двойственность: он добр, но бескорыстен ли? Вдова художника Л.А. Серякова, сотрудника «Русской старины», «пользовалась и пользуется его покровительством и теперь, чтит его как бога», ⁶⁶ - констатировал Г.З. Елисей. Это тот результат, которого он желал. Но не все способны были и на такое. Неудивительно, что сестра Софья Ивановна после актов благодарения восклицала: «Ведь Миша на редкость доброй души человек! Но какой невыносимый характер!»⁶⁷

В деловых кругах и на службе М.И. Семевского высоко ценили. Во-первых, в отношениях с начальством он сдерживал свой строптивый характер. Во-вторых, он обладал талантами полезными в его секретарской деятельности. Прежде всего, он был необычайно трудолюбив. Псковский знакомый А.И. Рыжов писал: «Вы составляете такое редкое исключение в мире и так много у вас часов в сутки, чуть ли не 72, судя по количеству изложенного» (1860 г.).⁶⁸ Секрет увеличения суток был прост: вставал он

рано, часов в семь, «постоянно, это еще корпусная привычка» (1856),⁶⁹ трудился до позднего вечера, иногда и ночи напролет, особенно когда готовил к печати журнал. М.И. Семевский был способен, если требовали обстоятельства, отказать себе в отдыхе и развлечениях. Так, в записке к П.А. Ефремову, с кем его объединяло увлечение коллекционированием, писал: «Извините, сосед, что я, вопреки своему положительному обещанию провести у Вас сегодня вечер, не могу побывать у Вас. Вот уже 3-й день сплошь сижу над корректурами II книжки «Русской старины» (1872 г.).⁷⁰ Из письма Льва Николаевича Модзалевского, сотоварища М.И. Семевского по педагогической деятельности в Смольном институте, известно, что он обратился с просьбой к М.И. Семевскому разрешить своему младшему брату Константину, которого воспитывал с ранних лет, бывать в доме Михаила Ивановича, так как «для меня дорого Ваше влияние на него и личный пример честности и трудолюбия. Примеры воспитывают - это азбука и вечная истина, а потому надеюсь, что поймете меня».⁷¹ В другом письме замечал: «Вы трудитесь немало и сделали никак не меньше того, сколько позволили Вам Ваши силы и обстоятельства. За это-то и уважаю Вас, как человека с сильной волей».⁷² Л.Н.Модзалевский был человеком прямым и как педагог способен оценивать других. Ему вторит и декабрист М.А. Бестужев, первоначально знакомый с М.И. Семевским только по переписке, утверждая, что он «человек дел, а не слов».⁷³ К указанным качествам добавим организаторские способности. «Возьмитесь за организаторство - это по вашей части», - советовал Л.Н. Модзалевский.⁷⁴ Еще одна черта - необычайная аккуратность. Н.Н. Страхов был поражен: «Видел у него [Семевского. - *О.К.*] большое диво: книжки «Русской старины» за сентябрь, октябрь и ноябрь, он уезжая [имеется в виду поездка за границу в 1878 г. - *О.К.*] только поручит разослать их».⁷⁵ Это строки из письма Л.Н. Толстому. И хотя Н.Н. Страхов сам был причастен к издательскому делу и хорошо понимал, что нельзя злоупотреблять доверием подписчиков, сам факт заготовки журналов вперед так

поразил его, что он не преминул сообщить о том и А.А. Шеншину (поэту Фету): «...а Семевский совсем собрался за границу и заготовил на три месяца вперед книжек «Русской старины». Подобной аккуратности еще не видел свет».⁷⁶ Столь же М.И. Семевский аккуратен и в работе с бумагами, при этом он обладал еще одним важным навыком - умел быстро записывать; это были не стенограммы, а именно запись, в архиве их хранится множество. Писал он на листе бумаги, сложенном вдоль, узкой полосой, видимо на коленях (текст идет наискосок), карандашом. Историки пытались расшифровать эти заметки, так как многие из них представляют научный интерес, например беседы с декабристами, но тщетно: сокращения произвольны и расшифровать их мог только автор, что он часто и делал в ближайшее после встречи время, опираясь на память. Это было своего рода хобби. Появление же подобных материалов в прессе вызывало возмущение. Так, в 1883 г. литератор В.П. Гаевский заметил в дневнике: «Обедал у Данона с Анненковым, Кавелиным, Салтыковым, Спасовичем. Вспоминали о Тургеневе, и все были возмущены приемами Семевского, который, пригласив к себе Тургенева, устроил ему ловушку: стенографировал его разговор (вероятно, стенограф сидел в соседней комнате) и напечатал его, как только скончался Тургенев. Прием вполне достойный Семевского».⁷⁷ Стенограф действительно был, но на другой день, рано утром (в предисловии к публикации особо было подчеркнуто, что за ночь стенограф не мог сильно перепутать слова И.С. Тургенева).⁷⁸ М.И. Семевский сам продиктовал разговор, состоявшийся 4 марта 1880 г., опираясь на свои заметки и память. Когда речь шла о добыче исторических материалов, пригодных к публикации, от честности, которую обнаружил Л.Н. Модзалевский, не оставалось и следа.

Как ни покажется странным людям XXI века, но М.И. Семевский, как и подобало человеку (и именно мужчине) века XIX, был сентиментален. Он хранил школьные сочинения и записочки дочерей, засушивал на память цветы и веточки между книжных страниц. Е.Н. Водовозова описала сцену прими-

рения после «дипломатического разрыва» с Василием по случаю окончания им гимназии с золотой медалью: «Когда Михаил Иванович узнал об этом, он с величайшим восторгом приехал поздравить брата... На этот раз не было конца объятиям, поцелуям и даже слезам, в искренности которых Василий Иванович никогда не сомневался».⁷⁹ Чувствительность следовало не только иметь, но и приличным считалось ее проявлять. М.И. Семевский любил красоты природы, в городе тосковал о сельском приволье: «Счастливы вы друзья, вы в деревне весной, а я ее встречаю в своем подвале», - из письма отцу 1860 г. в село Федорцево;⁸⁰ «Зима здесь стоит превосходная...» - к А.Ф. Кони в 1886 г.;⁸¹ «Я с семьей провожу осень в Крыму и какую осень! Это просто прелесть!» из письма к Н.Н. Селифонтову в 1888 г.⁸²

По характеру М.И. Семевский был человеком общительным и легко налаживал контакты. Появление среди его знакомых людей известных создавало для них определенную опасность оказаться в числе его гостей, причем в роли именинного пирога, который радушный хозяин приглашает откусить. Один из первых был А.Н. Островский. В 1855 г. во время пребывания лейб-гвардии Павловского полка в Москве восемнадцатилетний М.И. Семевский знакомится с писателем весьма оригинально по тому времени: без рекомендаций отправляется на квартиру и добивается приема. Затем с такой же настойчивостью добивается ответного визита. «Русский авось» велик; авось - Вы дома сегодня, будьте добры исполните слово и зайдите вечером посидеть», - зазывал он А.Н. Островского.⁸³ Не дождавшись, не отступился: «Беру смелость снова беспокоить Вас своею покорнейшею просьбою - подарить мне сегодняшний вечер, т.е. если Вы свободны сегодня, то будьте добры навестите».⁸⁴ В подобной ситуации оказался и С.Д. Полторацкий. Почтенному библиофилу М.И. Семевский оставляет записку следующего содержания: «Милостивый государь Сергей Дмитриевич! Я уезжаю в Нижний в воскресенье - вот почему крайне бы и желал еще до отъезда иметь честь Вам представиться. Но время у меня на счету, сегодня

я был у Вас, но кое-кто из пишущих, может быть, будет, и я отлучиться не могу. Не могли ли я просить сегодня же Вас к себе...» (1862 г.).⁸⁵ Письмо написано человеку незнакомому, которому еще следует представиться, значительно старше по возрасту, но все это не смущало начинающего литератора. Попался в эти сети и И.С. Тургенев. В 1880 г. в записке Н.Н. Селифонтову значится: «Премного обяжете, если придете сегодня... ко мне и проведете вечерок. Хозяюшка моя также просит Вас. Сегодня будет у нас И.С. Тургенев, который ведь уж второй вечерок дарит нам; проведем время в приятной беседе».⁸⁶ Чаще всего М.И. Семевский приглашал гостей послушать сценки из народной жизни, сочиняемые и исполняемые артистом Иваном Федоровичем Горбуновым. Пожалуй, это был единственный человек, с кем дружеские отношения сохранялись многие годы. Этому способствовал и мягкий, услужливый характер И.Ф. Горбунова, и его популярность в высшем свете и при дворе. Известно, что Александр II, дополняя программы концертов, составленных женой, несмотря на их классический репертуар, неизменно включал И.Ф. Горбунова. Для М.И. Семевского это много значило. Он приложил немало усилий, чтобы числиться среди знакомых великого князя Константина Николаевича, а позже Сергея Александровича.⁸⁷ Но хочется верить, что это была настоящая дружба, основанная на внутренней симпатии, которой проникся М.И. Семевский с первого знакомства, состоявшегося в Москве в 1856 г. «Что касается до И.Ф. Горбунова, - писал он к Г.Е. Благосветлову, - то это молодой человек с провинции, выразительным лицом, черными глазами и черными как смоль волосами».⁸⁸ Он был восхищен перевоплощением И.Ф. Горбунова при чтении рассказов из русской жизни собственного сочинения. Восхищение переросло в дружбу, чему немало способствовал переезд артиста в Петербург. Они немало времени проводили вместе, увлекались коллекционированием древностей, в одном доме нашли и невест, позже дружили семьями. И это был единственный человек, с кем в обращении допускалась вольность, шутка, как в письмах к семье:

«Приезжай, дружище, Иван Федорович», «Что же вы, родной мой».⁸⁹ И на всех вечерах И.Ф. Горбунов обязательно читал. Цензор А.В. Никитенко записал в дневнике 1875 г.: «9 февраля, воскресенье. Большой вечер у М.И. Семевского. Праздновали пятилетие <Русской> старины. И.Ф. Горбунов занимал целый вечер своими мастерскими рассказами из народной и общественной жизни».⁹⁰ В доме друга он впервые прочел свои мемуары, написанные по его настоянию. «Иван Федорович! И.Ф. Горбунов прочитает записки артиста. В.В. Самойлов обещал быть непременно и вообще будет до 20 лиц почти исключительно мужские персоны, но Вас надеюсь видеть с милрой...»⁹¹ Это письмо не датировано, но по дневнику И.Ф. Горбунова легко установить, что событие происходило в 1883 г.: «читал начало своих мемуаров» (и на вечере действительно был артист В.В. Самойлов).⁹² К этому времени М.И. Семевский состоял в отставке «с производством в награду за особенно полезную долготлетнюю и отлично полезную службу в тайные советники, с назначением из Государственного Казначейства пенсии 2000 руб. в год... и с предоставлением права носить в отставке мундир, присвоенный должности помощника статс-секретаря Государственного Совета», как значилось в «Формулярном списке».⁹³ Гости его были все более люди ученые («будут археологи и прочие доброуважаемые мужи») или сотоварищи – гласные городской думы («Будет вся городская управа, городской голова и много моих знакомых»).⁹⁴ М.И. Семевский был радушным хозяином. Я.Ф. Березин-Ширяев отметил, что стол, накрытый для ужина в зале, был хорошо сервирован.⁹⁵ М.И. Семевский, видимо, любил хорошее вино: «Надо будет распить несколько бутылочек отличного вина по случаю годовщины моей свадьбы...», - предложение «дорогому соседущке» И.Ф. Горбунову.⁹⁶ К своему брату Василию явился с поздравлениями по случаю окончания гимназии, держа в одной руке «корзину с вином..., в другой - целый ворох разных сластей и закусок».⁹⁷ Дурные привычки не свойственны были ему в старости, поскольку не возникли в молодости. Еще в

1855 г. он заметил отцу, что «папиросы не явились у меня с офицерскими эполетами, как это делали некоторые из моих товарищей...»,⁹⁸ то же касалось вина и карт. Чем же еще любили потчевать гостей - блинами! «В 2 часа по-полудни у меня соберется на блины мужская компания - приятели. Будет и кн. Ф. Куракин», это из письма к Ф.И. Горбунову, и в дневнике у адресата есть неоднократные упоминания о блинах.⁹⁹ Гости «потчевали» не только деликатесами, но и некоторыми заведенными в доме обычаями. В первых, все должны были расписаться в специальном альбоме. «Со временем, - сказал М.И. Семевский, - эта тетрадь может быть драгоценным материалом для биографий» ...и пригласил меня к конторке, на которой лежала тетрадь», - вспоминал Я.Ф. Березин-Ширяев.¹⁰⁰ Многие из современников посмеивались над этим обычаем. В читальном зале рукописного отдела Пушкинского Дома подготовленные для читателей дела лежат на отдельном столе. Забирая заказанные документы, сколько раз автору доводилось видеть эти альбомы. Обернутые в серую бумагу для лучшей сохранности, они сверкали золотыми обрезами и не иронию, а благоговение, не насмешку, а признательность вызывали у потомков. В завершение вечера у М.И. Семевского гостей ждал еще один ритуал. «По окончании ужина Семевский принес откуда-то из соседней комнаты громадную кипу отдельных оттисков статей из «Русской старины» и предложил воспользоваться случаем их приобретения. Как стая воронов, мы с хохотом бросились на статьи...», - отметил Я.Ф. Березин-Ширяев.¹⁰¹ На заре литературной деятельности М.И. Семевский дарил оттиски собственных статей: «У Кр[аевского] нашел Семевского, который свел к себе, надавал своих оттисков», - отметил Г.Н. Геннади в 1860 г. в «Прерванных заметках для памяти».¹⁰² Неудивительно, что в письмах братьев, особенно Петра, часто выполнявшего различные поручения, упоминание о получении оттисков встречается довольно часто: так, в 1862 г. «в типографии взял 140 оттисков «Монс» и прислали 20 оттисков «От Твери до Астрахани», больше теперь не велено давать».¹⁰³ Рассылая свои работы,

М.И. Семевский добивался новых знакомств. Так, малоизвестный литератор завязал дружеские отношения с московским библиофилом М.Н. Лонгиновым, отправив ему в 1862 г., как становится ясно из переписки, отписки трех своих статей.¹⁰⁴

Знакомые и друзья, которых радушно собирал к себе на огонек М.И. Семевский, были той благодатной аудиторией, где он мог блеснуть своими талантами. Первый уже хорошо известен читателям: это повествование о своей коллекции. Второй - дар рассказчика. Один из его учеников, скрывшийся за инициалами В.П., в некрологе особо отметил, что живо помнит «талантливые юмористические импровизации и исторические анекдоты, мастерски рассказываемые покойным, вносящим оживление во все, преимущественно молодые кружки».¹⁰⁵ Сей талант проявился у М.И. Семевского смолodu: в письме к отцу 1858 г. с явным удовольствием сообщает, что был «у придворного архитектора Штакеншнейдера - упросили рассказать народным [стилем]. Я не преминул блеснуть».¹⁰⁶ Об этом несомненном даровании ему говорили многие, например А.И. Креницин, псковский помещик, человек образованный, начитанный и способный потому дать реальную оценку.

«Историк честный и правдивый,

Рассказчик умный и игривый...»

Эти строки стихотворного посвящения М.И. Семевский записал в деловом дневнике своей поездки по Псковской губернии. Сам он, как отметил П.Д. Боборыкин, «считал себя прекрасным чтецом и даже участвовал в спектаклях» (1870 г.).¹⁰⁷ О сценических успехах достоверно известно лишь в пору военной службы: в 1857 г. на любительском спектакле в лейб-гвардии Павловском полку в «Свадьбе Кречинского» он сыграл роль Расплюева и в драме «Окно на втором этаже» - роль 70-летнего старика (ему тогда шел 21 год); в 1858 г. он выступил в роли режиссера в постановке «Женитьбы» Н.В. Гоголя. Упоминание П.Д. Боборыкина об участии М.И. Семевского в спектаклях относится к его деятельности (состоял председателем комитета) в Клубе художников (официальное название - Собрание художников). С 1867 г. в клубе стали проводить раз в неделю «Драматические вечера». Труппа этих «любитель-

ских» спектаклей комплектовалась из провинциальных актеров, артистов императорских театров, которые могли выступать исключительно под псевдонимами, и собственно любителей. На этой сцене (ныне Малый драматический театр в Петербурге - здание перестроено) играли К.А. Варламов, М.И. Писарев, М.Г. Савина, П.А. Стрепетова и В.В. Самойлов. Некоторые спектакли признавались лучшими, чем в Александринском театре. Среди этих звезд сцены был и М.И. Семевский. В молодости он пробовал выступать и как чтец на литературных вечерах в зале Первой гимназии. Один из таких вечеров описан агентом III отделения. К публичным чтениям полиция проявляла особое внимание, поскольку они были только недавно разрешены. 10 декабря 1862 г., как следует из документа, в зале было до 600 человек; выступали П.Л. Лавров, И.Ф. Горбунов, поэты А. Майков, Я. Полонский, В. Курочкин и М.И. Семевский. «Только Семевский, - заметил филер, - читал путевые записки, в коих он почему-то припел много анекдотов и приказов смешных и, можно сказать, даже глупых, из жизни покойного генерала Скобелева, - хотя и были слушателями приняты с удовольствием, большим смехом и рукоплесканиями, - но при всем этом заставили некоторых благоразумных людей между собою говорить и удивляться, что цензор Бекетов, дозволивший печатать программу всех этих сочинений, а потому и читавший оные, дозволил такого заслуженного генерала выставлять перед публикою в весьма смешном виде».¹⁰⁹ Рассказы М.И. Семевского были забавны и смешны, но юмор этот был грубым, что и заметила образованная часть публики. Наблюдательная Е.Н. Штакеншнейдер, на наш взгляд, точно определила причину выбора подобного репертуара: «Необразованный человек Семевский, оттого он и шлепает так; и нет у него чувства изящного, так что и цинизм у него не намеренный, а наивный».¹¹⁰ С этим несчастьем (а он всегда считал, что все его беды проистекают от отсутствия университетского образования) М.И. Семевский боролся всеми возможными средствами: в 1855-1856 гг. слушал лекции в Московском университете, в 1861 г. - в Петербургском; в 1862 г. из письма

Л.Н. Модзалевского понятно, что он ищет преподавателя латинского языка;¹¹¹ в 1859 г. совершает поездку за границу, чтобы иметь практику французского языка, и всю остальную жизнь занимается самообразованием. Менялся он сам, менялось и отношение к его репертуару. «Почтенный Михаил Иванович! - обращался к нему в конце 1860-х гг. А.Ф. Гильфердинг. - Записки, которые Вы читали наемни у Бестужева, так интересны, что я прибегаю в Вам с усерднейшею просьбою не отказать прочесть их у нас, для удовольствия моей жены и папеньки, а также некоторых весьма почтенных господ, как, например, Ю.Ф. Самарин, который меня очень просил доставить ему случай послушать это чтение».¹¹²

В молодости у М.И. Семевского было еще одно увлечение - танцы, но, как подметила Е.Н. Штакеншнейдер, это не вязалось с его тщедушным видом: он был «небальный», в то время как П.Д. Боборыкин запомнил его в тот вечер лихо отплясывающим мазурку.¹¹³ Часто упоминаются балы и в письмах: «Много плясал и дурачился на балу у А.Д. Галахова» (1858 г.). И даже был момент (1855 г. - 18 лет!), когда перед ним стояла серьезная проблема: «...словесность - это удовольствие, следовательно, во всяком случае для военного должно быть дело второстепенное; я не прочь также в знакомом доме вспомнить и танцы, кои очень люблю, но как согласить три разнородные предмета: фронт, литературу и балы - вот вопрос, который должна мне разрешить настоящая зима: что перетянет? А трем господам трудно служить».¹¹⁴ Прошла не одна зима, когда окончательно был сделан выбор - он стал слугой госпожи Клио. Балы с годами сменились беседами в «мужской компании» ученых мужей.¹¹⁵ Но некоторым увлечениям молодости он оставался верен всю жизнь. Его театром был Александринский, и посещал его почти еженедельно. Как многие театралы, собирал программы. На них пометки: 5 ноября 1881 г. - «был и много смеялся»; 12 ноября - «скучная пьеса»; 3 декабря - «с удовольствием видел игру г-жи А.»; 10 декабря - «был в театре: пьеса очень веселая».¹¹⁶ И в зрелые годы он сохранил свой веселый нрав.

Достигнув определенных успехов, преисполненный чувством собственного достоинства, М.И. Семевский заважничал. Нет, не стал важным, а старался играть роль важного господина. Ироничный А.Ф. Кони в письме к М.М. Стасюлевичу (замечу, что оба не только многие годы знали, но и питали к М.И. Семевскому дружеские чувства) сообщал: «Вчера я поддался на настойчивое и неоднократное приглашение М.И. Семевского и был на его лекции о Петре. Благодарю! Не ожидал!».¹¹⁷ Насмешка заключена в последних двух фразах. Это цитата из широко известной эпиграммы, приписываемой С.А. Соболевскому на графа Соллогуба. Последний в 1869 г. написал дюжину куплетов, каждый заканчивался словами: «Благодарю, не ожидал!». Стишки вскоре забылись, но эпиграмма на них была известна всем:

«Вчера я видел Соллогуба.
Как он солидно рассуждал
И как ведет себя - ну, любо.
Благодарю, не ожидал».¹¹⁸

Посмеивалась над М.И. Семевским и молодежь. Граф Милорадович писал П.Я. Дашкову (оба на 20 лет моложе): «А потом пришло Вам два рассказа о знаменитом Михаиле Ивановиче Семевском. Теперь некогда...» (1891 г.).¹¹⁹ Самому М.И. Семевскому импонировало скромное поведение знаменитостей. Так, описывая вечер, проведенный с И.С. Тургеневым, преднамеренно подчеркнул, что тот вел себя «чрезвычайно просто, без всякого самовеличия и тех выходов самолюбия, которыми зачастую отличаются не только звезды первой величины в мире литературы и артистическом, но и второй и третьей величины...»¹²⁰ Но своего «самовеличия», как водится, не замечал.

Каждый человек если и не герой, то, несомненно, герой своего времени. При всем разнообразии взглядов, убеждений, вкусов и привычек большинство людей одного поколения обладает ярко выраженными общими чертами. Портрет М.И. Семевского - во многом портрет человека поколения 60-х гг. XIX в., сформировавшегося на границе слома веками сложившихся традиций крепостной России и становления нового граждан-

кого общества. Реформы Александра II они восприняли умом и сердцем и были верны им до конца. Именно это было главным и в основном определяло линию их жизненно-го пути, модель поведения.

Облик М.И. Семевского отчетливее проявился из событий прошлого, однако можно еще сделать существенные дополнения. Художник пишет портрет, пытаясь проникнуть в сокровенные тайны души; он пристально вглядывается в лицо своей модели. Историк же становится на «трудный и опасный» путь воссоздания утраченного целого, реконструкции личности по документам, всегда неполным, двусмысленным, всегда несущим в

себе субъективную позицию своего создателя». Так определил процесс создания исторического портрета Ю.М. Лотман, известный своей филигранной работой по реконструкции образа Н.М. Карамзина.¹²¹ Художник, завершая работу, критически оценивает результат, наносит последние штрихи, усиливает тени. Сложнее историку. Чтобы добавить даже незначительный факт, подчас приходится перевернуть груды архивного материала. Документальная база для написания биографии М.И. Семевского в настоящее время, к сожалению, еще не до конца выявлена и изучена.

Поэтому незавершен и портрет...

Примечания

1. Тимощук В.В. Михаил Иванович Семевский - основатель исторического журнала «Русская старина»: Его жизнь и деятельность. СПб., 1895. С.256-257.
2. Троицкий И. Запись беседы Салтыкова с М.И.Семевским // Литературное наследство. М., 1934. №13-14.С.519-520.
3. Щтрайх С.Я. Сестры Корвин-Круковские. М., 1933. С.18-19.
4. Эйдельман Н.Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М.,1966. С.140.
5. Порох В.И. Офицер, историк, издатель: Все о М.И.Семевском. Саратов, 1999.
6. Цитируется по кн.: Тимощук В.В. Михаил Иванович Семевский... С.8.
7. Семевская Е. Василий Иванович Семевский // Голос минувшего, 1917, № 9-10. С. 50-58.
8. РО ИРЛИ, ф. 274.
9. Зажурило В.К. Ушинский в Петербурге. Л., 1979. С.129.
10. Юбилейный сборник Литературного фонда: 1859-1919. СПб., 1903. С.17.
11. Березин-Ширяев Я.Ф. Из записок // Русский библиофил, 1912, №3. С.20.
12. Цитируется по кн.: Тимощук В.В. Михаил Иванович Семевский... С.26.
13. Морозов А.В. Каталог моего собрания гравированных и литографированных портретов. М., 1912-1913. Т.4. С.198.
14. Знакомые: Альбом М.И.Семевского: 1867-1888. СПб., 1888.
15. Семенов Д.Д. М.И.Семевский как педагог // Вестник воспитания, 1892, №4. С.124.
16. Штакенинейдер Е.А. Дневник и записки (1854 - 1886). М. -Л.,1934. С.164.
17. Ушинский К.Д. Собрание сочинений. Т.11. М.-Л., 1952. С.157.
18. Дневник корректора (Записки Сунгурова, корректора «Времени») // Русская литература, 1962, № 1. С. 228.
19. Звенья: Сборник материалов и документов по истории литературы, искусству и общественной мысли XIX в; М. - Л., 1932. С. 343.
20. РО ИРЛИ, ф. 274, Оп.1, д.317, л.2 об.
21. Там же. Д. 44, л. 59.
22. Кони А. Ф. Собрание сочинений. Т.8. М., 1969. С.86.
23. Семевская Е. Василий Иванович Семевский... С.52.
24. Кауфман А.Е. За кулисами печати: (Отрывки воспоминаний старого журналиста) // Исторический вестник, 1913, т.133, №7.С.98.
25. РО ИРЛИ, ф. 274, Оп.1, д.239, л.21.
26. Цитируется по кн.: Тимощук В.В. Михаил Иванович Семевский... С.22.
27. РО ИРЛИ, ф. 274, Оп.2, д.110, л.1.
28. Там же. Д.109.
29. Письма Г.З. Елисеева к М.Е. Салтыкову-Щедрину. М., 1935. С.51.
30. Семевская Е. Василий Иванович Семевский... С. 54.

31. ОР РНБ, ф.163, д.314, л.11.
32. *Семевская Е.* Василий Иванович Семевский... С.54.
33. РО ИРЛИ, ф.274, оп.1, д.242, л.5.
34. Там же, д.41, л.897.
35. Боборыкин П.Д. Воспоминания. В 2-х тт. Т.2. М., 1965. С.148.
36. Звенья: Сборник материалов и документов ... С. 343.
37. Цитируется по кн.: *Тимощук В.В.* Михаил Иванович Семевский... С.25.
38. РО ИРЛИ, ф. 274, оп.1, д.145, л.22.
39. Там же. Л.3.
40. *Семевская Е.* Василий Иванович Семевский... С. 53.
41. *Штейнгель В.И.* Сочинения и письма. Т.2. Иркутск, 1985. С.582.
42. РО ИРЛИ, ф. 14, д.167, л.44.
43. Письма Г.З. Елисеева к М.Е.Салтыкову-Щедрину...С. 55.
44. Власть и реформы: От самодержавия к советской России. СПб., 1996. С. 363.
45. РО ИРЛИ, ф. 274, оп.1, д.16, л.204.
46. Там же. Д. 41. л.670.
47. Цитируется по кн.: *Лебедев А.А.* Николай Гаврилович Чернышевский: (Наброски к неизданным материалам). // Русская старина, 1912, № 5. С.302.
48. РО ИРЛИ, ф. 274, оп.1, д.41, л.897.
49. *Кох О.Б.* «Он был титулярный советник...» // Псков, 1999, № 10. С.17-22.
50. РО ИРЛИ, ф. 274, Оп.1, д.3, л.81 об.
51. *Врангель Н.* Старые усадьбы: Очерки истории русской дворянской культуры. СПб., 1999. С.248-249.
52. *Книжник-Ветров Н.С.* А.В.Корвин-Круковская. М., 1931; ОР РНБ, ф.352, д.383.
53. РО ИРЛИ, ф. 274, оп.1, д.44.
54. Там же.
55. Там же. Оп.2, д.111.
56. Там же. Оп.1, д.440.
57. Письма Г.З. Елисеева к М.Е.Салтыкову-Щедрину... С.51.
58. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собрание сочинений. В 20-ти тт. Т.19, кн.2. С. 61.
59. Там же. С.63.
60. Дневник государственного секретаря А.А.Половцева. В 2-х тт. Т.1. М., 1966. С.73; т.2. С.423.
61. РО ИРЛИ, ф. 274, оп.1, д.41.
62. Там же. Д.293, л.3.
63. Там же. Д.303, л.5.
64. Там же. Д.355.
65. Там же. Д.274.
66. Письма Г.З. Елисеева к М.Е.Салтыкову-Щедрину... С.52.
67. Цитируется по кн.: *Семевская Е.* Василий Иванович Семевский... С.53.
68. РО ИРЛИ, ф. 274, оп.1, д.303, л.7.
69. Там же. Д.239, л.6.
70. Там же. Ф. 103, оп. 2, д.64, л.7
71. Там же. Оп. 1, д.252, л.23 об.
72. Там же. Л.5 об.
73. Воспоминания Бестужевых / Ред. статья и комментарии М.К. Азадовского. М.-Л., 1951. С.440.
74. РО ИРЛИ, оп.1, д.252, л.3 об.
75. Толстовский музей. Т.2. Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым: 1870-1894. СПб., 1914. С.184.
76. Из переписки: Письма графа Л.Толстого, А. Фета, Н.Н.Страхова // Русское обозрение, 1901, Вып.1. М., 1901. С. 81-82.
77. Из дневника В.П.Гаевского // Красный архив. М., 1940, № 3 (100). С. 234.
78. Русская старина, 1883, № 10. С.202, 216.
79. *Семевская Е.* Василий Иванович Семевский... С.65.
80. РО ИРЛИ, ф.274, оп.2, д.18, л.271.
81. Там же. Ф.134, оп.3., д.1516.
82. ОР РНБ, ф.682, д.226.

83. Неизданные письма к А.Н. Островскому. М.-Л., 1932. С. 534.
84. Там же. С.534-535.
85. ОР РНБ, ф. 603, д.184, л.1.
86. Там же. Ф. 682, д.226, л.23.
87. РО ИРЛИ, ф.274, оп.1, д.335.
88. Там же. Д.41, л.958.
89. Там же. Ф. 659, д.178, л. 1, 27.
90. *Никитенко А.В.* Дневник В 3-х тт. Т.1. М., 1956. С.330.
91. РО ИРЛИ, ф.659, д.178, л.2.
92. *Горбунов И.Ф.* Сочинения. Т.3. СПб., 1907. С.433.
93. ОР РНБ, ф.708, д.911, л.5.
94. РО ИРЛИ, ф. 659, д.178, л.12, 25.
95. Березин-Ширяев Я.Ф. Из записок... С.25.
96. РО ИРЛИ, ф. 659, д.178, л.29, 51.
97. *Семевская Е.* Василий Иванович Семевский... С.65.
98. Цитируется по кн.: *Тимощук В.В.* Михаил Иванович Семевский... С. 25.
99. РО ИРЛИ, ф. 659, д.178, л.27; *Горбунов И.Ф.* Сочинения... С.435.
100. *Березин-Ширяев Я.Ф.* Из записок... С. 24.
101. Там же. С.25.
102. ОР РНБ, ф.178, д.10, л.6.
103. РО ИРЛИ, ф. 274, оп.1, д.317, л.2.
104. ОР РНБ, ф. 683, д.27, л.1.
105. В.П. Михаил Иванович Семевский. (Некролог) // Мир божий, 1892, апрель. С.30.
106. РО ИРЛИ, Ф.274, оп.1, д.41, л.660.
107. *Боборыкин П.Д.* Воспоминания... С.148.
108. *Тимощук В.В.* Михаил Иванович Семевский... С.65, 66, 72.
109. Материалы для биографии П.Л. Лаврова. Вып. 1. Пг., 1921. С.76.
110. *Штакенинейдер Е.А.* Дневник и записки... С. 264.
111. РО ИРЛИ, ф. 274, оп.1., д.253.
112. Там же. Д. 117, л.89. Самарин Юрий Федорович (1819-1876 гг.) - историк, писатель; один из идеологов славянофильства; участник подготовки и проведения крестьянской реформы 1861 г.
113. *Штакенинейдер Е.А.* Дневник и записки... С.164; *Боборыкин П.Д.* Воспоминания... С. 148.
114. Цитируется по кн.: *Тимощук В.В.* Михаил Иванович Семевский... С. 29.
115. РО ИРЛИ, ф. 659, д.178, л.15, 25, 27.
116. Там же. Оп.1, д.440.
117. *Кони А.Ф.* Собрание сочинений... С.86.
118. Эпиграммы и экспромты. М., 1912. С.88.
119. РО ИРЛИ, ф.93, оп.1, д.15, л.163.
120. Русская старина, 1883, №10. С. 201.
121. *Лотман Ю.М.* Карамзин. СПб., 1997. С.11.